

DOI 10.31483/r-110044

*Кугай Александр Иванович***КОНЦЕПЦИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И МОТИВАЦИИ АДАМА СМИТА**

Аннотация: в главе рассматриваются две основные проблемы. Первая сосредоточена на том, как Смит формулирует преимущества и возможные опасности, присущие разделению труда, и реконструирует способы, которыми он пытается использовать некоторые эффекты специализированного труда, чтобы обуздать эти опасные последствия. Второй заключается в видении Смитом человеческой мотивации, которая коренится в человеческой потребности в сочувствии и признании. Люди не желают ничего более глубокого, чем одобрение со стороны своих собратьев и своей собственной совести. Эта фундаментальная потребность регулирует человеческие действия, как между близкими родственниками, так и с незнакомцами. Это показывает, что, хотя, по мнению Смита, коммерческое общество порождает множество нестабильных последствий, такое разделение труда создает ситуацию, в которой должным образом образованные политики и литераторы могут, тем не менее, сдерживать худшие тенденции такого общества.

Ключевые слова: Адам Смит, разделение труда, богатство, мотивация, «симпатическое общество».

Abstract: the chapter addresses two main issues. The first focuses on how A. Smith defines possible advantages and risks inherent in division of labour and reconstructs the ways in which he attempts to make use of some of the effects of specialized labor to curb these dangerous consequences. The second is Smith's understanding of human motivation, which is rooted in the human need for sympathy and recognition. Human kind desires nothing more profound than the approval of their counterparts and their own remorse. This fundamental need controls human actions, both between close relatives and strangers. This shows that, although, according to Smith, a commercial society produces many unstable consequences, this division of labour creates a situation

in which well-educated politicians and men of letters can, nevertheless, curb the worst tendencies of such a society.

Keywords: *Adam Smith, division of labour, wealth, motivation, «sympathetic society».*

Введение.

Публикация в 1776 году книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [4] ознаменовала начало новой – коммерческой эпохи. В отличие от большей части Европы, в то время Британия вырастила институты, способствующие коммерческой эпохе [3]. Смит опроверг предположения меркантилизма и в значительной степени подорвал оправдание существования империи благодаря пониманию того, что специализация посредством разделения труда является важнейшим средством, с помощью которого общество увеличивает свое богатство.

«Богатство народов» также представляет собой рассуждение относительно роли досуга как основы высокого благосостояния и необходимого компонента гражданственности и политического участия.

Сегодня довольно часто по умолчанию предполагается, что, поскольку Смит восхвалял богатство и изобретательность, возникающие в результате развитого разделения труда, он был слеп к его темной стороне.

Не без оснований многие критики современности утверждают, что разделение труда приводит к той или иной форме личного отчуждения, большей узости индивидуального и коллективного понимания и все более неравномерному распределению богатства и почестей в обществе, которое этому способствует. Ассоциировать Смита с любым недвусмысленным одобрением разделения труда или возникшего в результате него процветающего коммерческого общества – серьезное недоразумение.

Хотя Смит рассматривал разделение труда как дестабилизирующую силу в обществе, он, тем не менее, надеялся, что коммерческое общество сможет культивировать интеллектуальный и политический класс, подходящий для того,

чтобы направлять его. И, делает это видение возможным – понимание Смитом личного интереса, как глубокой человеческой потребности в сочувствии и признании.

Смит надеялся, что институты смогут укротить опасности абсолютно неограниченного свободного рынка. В статье обсуждаются два типа людей, наиболее важных для его теории – политиков и литераторов – и то, как, по мнению Смита, они могли поддерживать друг друга в руководстве коммерческим обществом.

1. Разделение труда: преимущества и издержки.

Разделение труда занимает центральное место в политической экономии и социальной теории Смита в целом. Результат «определенной склонности человеческой природы... торговать и обменивать одну вещь на другую» [4, с. 13] со временем становится причиной «наибольшего улучшения производительного труда», сопровождаемые обретением навыков, ловкости и рассудительности» [4, с. 25].

Выступая против распространенного в тот период представления о том, что общественные блага являются продуктом намеренной деятельности, созданных политических и социальных институтов, Смит утверждает, что разделение труда – это в значительной степени непреднамеренный процесс, «изначально не являющийся результатом какой-либо человеческой мудрости» [4, с. 25]. Наши интеллектуальные способности слишком ограничены, чтобы целенаправленные действия могли принести много плодов. Соответственно, Смит принижает роль гения в развитии общества, сравнивая философов с уличными носильщиками и отмечая, что между ними меньше различий, чем между различными породами собак. Это иллюстрирует точку зрения Смита о том, что мы в большей степени являемся творениями своего собственного тела, воспитания, привычек, образования и занятости, чем нам хотелось бы себе это представить [4, с. 28–30].

По этой причине законодатели, бизнесмены и отдельные работники применяют свои знания и опыт для совершенствования и продвижения разделения труда, с течением времени, собранные вместе, индивидуальные потребности и действия в каждый момент медленно двигают общество вперед. Смит выделяет

четыре этапа социально-экономической жизни человека и связывают каждый из них с определенным образом жизни. Этими стадиями являются охота, пастбище, земледелие и торговля [5, с. 459]. Смит отмечает, что экономические изменения на каждом этапе требуют политической свободы, поскольку только тогда, когда люди свободны, они становятся наиболее изобретательными и продуктивными [4, с. 386–9; 5, с. 526]. Однако он также отмечает, что последствия разделения труда не совсем благоприятны.

Смит утверждает, что благотворное воздействие разделения труда является результатом трёх принципиальных изменений в привычках каждого отдельного работника.

Во-первых, выполнение одной и той же операции или набора из них приводит к гораздо большему увеличению ловкости, чем при неспециализированном труде.

Во-вторых, отсутствие переходов от одного вида работы к другому экономит время, препятствуя лени и лени, которые Смит считал нормальными среди сельских рабочих.

В-третьих, отдельные работники, специализирующиеся на одной форме занятости, «с гораздо большей вероятностью откроют для себя более простые и доступные способы трудоустройства», методы достижения... того единственного объекта», над которым они работают [4, с. 18–19]. Эта повышенная склонность изобретать как новые методы производства, так и оборудование для его поддержки способствует огромному и целенаправленному творчеству, которое помогает решать насущные проблемы современности.

Из-за этих трёх связанных эффектов, каждый рабочий имеет большое количество своей собственной работы, которую он должен распорядиться сверх того, в чем он сам нуждается; и всякий другой рабочий, находясь в точно таком же положении, имеет возможность обмениваться... Он обильно снабжает их всем, в чем они нуждаются, и они дайте ему как можно больше того, в чем он нуждается, и общее изобилие распространится по всем слоям общества [4, с. 22].

Тем не менее, эти преимущества достигаются потенциально высокой ценой. Смит настаивает на том, что разделение труда имеет интеллектуальные и психологические издержки, особенно в его ручных, повторяющихся формах. Специализация – это процесс, при котором люди сосредотачивают свое внимание на одном или нескольких вопросах, исключая все остальное. Труд неизбежно формирует сознание рабочего. Образ мышления, который работники приобретают на работе, важен, потому что он просто определяет их взгляд на жизнь. Как бы сильны ни были основы человеческой природы Смит обеспокоен тем, что узкий интеллектуальный кругозор на работе приведет к столь же ограниченным способностям в других местах: Человек, вся жизнь которого тратится на выполнение нескольких простых операций... не имеет возможности проявить свое понимание или применить своих навыков в иных ситуациях. Поэтому он естественным образом утрачивает привычку к таким усилиям и вообще становится настолько глупым и невежественным, насколько это возможно для человеческого существа... [4, с. 782].

Хотя некоторые немногие люди все еще могут работать в интеллектуально разнообразных профессиях и сохранять привычки, способствующие политической коммуникации, образ жизни подавляющего большинства препятствует этому. Не привыкший объединяться с другими для достижения своих целей, работник станет пассивным. Редко сталкиваясь с реальной неопределенностью и трудностями, промышленный труд может сделать его неспособным защитить свою страну в войне. Таким образом, рабочие могли преодолеть бедность и трудности жизни в грубом обществе только за счет «всех благородных сторон человеческого характера» [4, с. 783–4].

Смит не является сторонником какого-то грубого экономического человека в отношении некоторых аспектов разделения труда, более того неэкономические мотивы выступают в качестве центрального обоснования его теории.

II. Человеческая мотивация в «симпатическом обществе».

На протяжении всей своей карьеры одной из центральных и постоянных забот Смита была концепция справедливости и ее поддержание в коммерческом

обществе [8] Существует современная тенденция замалчивать этот факт в пользу удобной карикатуры на Смита как сторонника личного интереса, рационального расчета и настолько широкого и полного разделения труда, насколько это возможно, без какой-либо заботы о последствиях.

На первый взгляд может показаться, что Смит радикально изменил свое мнение между публикацией «Теории моральных чувств» в 1759 году и 1776 годом, когда «Богатство народов» вышло в печать. Однако противоречие между аргументами в этих работах можно разрешить, опираясь на утверждение Смита, что потребность в сочувствии является основой всего человеческого взаимодействия. Он утверждает, что «каким бы эгоистичным ни считался человек, в его природе, очевидно, есть некоторые принципы, которые интересуют его в судьбе других и делают их счастье необходимым для него, хотя он не получает от этого ничего, кроме удовольствия увидеть это» [7, с. 9]. Люди не желают ничего более глубокого, чем одобрение со стороны своих собратьев и своей собственной совести. Эта фундаментальная потребность регулирует человеческие действия между близкими родственниками, так и с незнакомцами.

Однако Смит также отмечает простой факт: в обществе «каждый человек, без сомнения, по своей природе в первую очередь и главным образом рекомендован самому себе» [7, с. 83–84]. Из-за этого мы обычно ограничиваем свое одобрение, внимание и симпатию теми, с кем находимся в самом тесном контакте, то есть нашими друзьями, семьей и соседями. Он признает, что общество, настолько тесно взаимосвязанное, что люди действуют исключительно из чувства взаимной привязанности, было бы очень счастливым. Однако, вероятно, такое взаимодействие возможно только в семейной жизни, ибо где и когда на таких принципах было основано целое гражданское сообщество? [7, с. 85–86].

Смит утверждает, что потребности докоммерческого общества таковы, что люди без тесного сообщества и уз симпатии не могут долго выжить. В пасторальных странах и во всех странах, где авторитета закона недостаточно для обеспе-

чения полной безопасности... объединение часто необходимо для их общей защиты... Их согласие укрепляет необходимую связь; их раздор всегда ослабевает и может разрушить его [7, с. 222].

С другой стороны, при отсутствии какого-либо привычного контакта или потребности люди в коммерческом обществе теряют этот импульс прямо пропорционально возрастающей заботе государства о порядке и стабильности: где авторитета закона всегда вполне достаточно... потомки одной семьи, не имея такого мотива держаться вместе, естественным образом расходятся, как это может сделать интерес или склонность. прямой. Вскоре они перестают иметь значение друг для друга [7, с. 223].

Несмотря на сохранение взаимного признания среди соседей и домохозяйств, когда люди выходят за рамки семьи и дружбы и начинают взаимодействовать со своими сообществами и страной в целом, чувства взаимной привязанности угасают, в то время как человеческая надежда на одобрение и потребность в сочувствии остаются постоянными.

Ученые обычно обходят вниманием то, что Смит исходит из потребности в сочувствии, отмечает ее относительную слабость в общении с незнакомыми людьми и лишь затем апеллирует к корысти, подчеркивая при этом главенство потребности человечества в одобрении. В коммерческих обществах наблюдается странное расхождение потребностей: сложнее завоевать симпатии незнакомцев, но в то же время люди все больше нуждаются в помощи людей, которых они лично не знают. Имея «почти постоянную возможность обратиться за помощью к своим братьям», человек в коммерческом обществе должен найти другой способ привлечь их внимание. Быстро становится ясно, что «у него будет больше шансов победить, если он сможет заинтересовать их себялюбие в свою пользу и покажет им, что в их собственных интересах делать для него то, что он от них требует» [4, с. 26].

В «Лекциях по юриспруденции» Смит отмечает, что глубоко укоренившаяся человеческая склонность к торговле и бартеру сама по себе основана на еще более глубоком побуждении убеждать других. Если мы задумаемся о том, какой

принцип в человеческом сознании лежит в основе склонности к грузоперевозкам, то оно очевидно основано на естественной склонности каждого человека убеждать. Предложение денежного вознаграждения, которое, как нам кажется, имеет столь простой и ясный смысл, на самом деле представляет собой аргумент, убеждающий человека сделать то-то и то-то, поскольку это отвечает его интересам.

Богатство – это соблазн вовлечь других в свою жизнь, настолько, что «таким образом каждый практикует ораторское искусство на других на протяжении всей своей жизни» [5, с. 352]. Для Смита использование денег и товаров в торговле – это продолжение риторики, в которой сложным образом переплетаются симпатия и личный интерес. Смит подразумевает, что сочувственное убеждение – это метод первого средства; обращение к личным интересам других обычно приходит позже, или, когда уже очевидно убеждение одного будет недостаточно. Как мы увидим, это имеет серьезные последствия для человеческой мотивации в коммерческом обществе.

Коммерция дает людям возможность удовлетворить свои основные потребности, но как только она их удовлетворяет, стремление к одобрению заставляет людей стремиться к большему богатству и статусу. В то время как общинные и пасторальные общества не одобряют корыстное поведение, в коммерческом обществе те, кто управляет своим бизнесом, как правило, заслужили одобрение общества, а неудачники сталкиваются с презрением и насмешкой. Жадность не помогает людям добиться успеха на рынке. Скорее, это стремление к одобрению и боязнь жалости: «Это потому, что человечество склонно более полно сочувствовать с радостью нашей, а не с печалью, что мы выставляем напоказ наше богатство и скрываем нашу бедность... это

главным образом из-за чувства человечества, что мы стремимся к богатству и избегаем бедности». Смит утверждает, что основная цель улучшения условий жизни человека состоит не в удовлетворении материальных желаний. Вместо

этого, прежде всего, мы хотим, чтобы «за нами наблюдали, чтобы на нас обращали внимание, чтобы на нас обращали внимание, проявляя сочувствие и одобрение» [7, с. 50].

По мнению Смита, глубочайшие человеческие мотивы побуждают нас заслужить одобрение и уважение. В свою очередь, приобретение богатства является основным средством достижения этой цели. Однако это далеко не единственный путь к такому признанию. Краткое отступление иллюстрирует это. Хотя Смит отмечает, что только нищие могут себе представить, что полагаются на благотворительность во всем своем существовании [4, с. 26–27] и [5, с. 493] он, тем не менее, причисляет благотворительность и благотворительность к числу самого похвального: «чувствовать много к другим и мало к себе... потакать своим доброжелательным привязанностям составляет совершенство человеческой природы; и только он может создать среди человечества ту гармонию чувств и страстей, в которой состоит вся их грация и уместность». Поскольку это добродетель, «необычайно великая и прекрасная», возвышающаяся намного выше нормы, истинная доброжелательность является одновременно редким и замечательным явлением, которое естественным образом вызывает симпатии других [7, с. 25–26]. Нормальные люди ценят богатство за то уважение, которое оно может им позволить, но те, кто готов жертвовать и заботиться о своих соседях, находят компенсацию в социальном и личном уважении.

Хотя для целей своего анализа Смит делит труд на производительный и непроизводительный, он отмечает, что оба они имеют решающее значение для хорошо организованного общества. Более того, он упрекает своих современников-физиократов за «неприемлемость» представления непроизводительного труда как бесплодного или бесполезного, препятствием для регулярного трудоустройства, уровня доверия, которое мы оказываем практикующему специалисту. Смит ясно дает понять, что не весь труд равноценен по своему характеру и уважению. Он утверждает, что именно социальный статус работы, а также вознаграждение за нее определяют ее желательность. Это определяет почему люди предпочитают

одну профессию другой, что мотивирует их продолжать свой труд. Два примера, которые он использует, проясняют то, что имеет в виду Смит в уме.

Во-первых, Смит утверждает, что представители боевых профессий отказываются от своих материальных интересов в пользу чрезмерного презрения к риску в сочетании с надеждами на приобретение чести и славы. Он отмечает, что «молодые добровольцы никогда не идут в армию с такой готовностью, как в начале новой войны», наполненной мечты, которые редко сбываются, и что «эти романтические надежды составляют всю цену их крови» [4, с. 126]. Но что делает солдата благородным, так это то, что, как только его юношеский энтузиазм угасает перед лицом битвы, его смелость перед смертью «возвышает профессию... и дарует ей, в естественных представлениях человечества, ранг и достоинство, превосходящие таковые у любого воина по отношению к другому» [7, с. 239]. Поскольку именно стремление к признанию, а не чистая корысть главным образом мотивирует людей, «отдаленная перспектива опасностей, от которых мы можем надеяться выбраться благодаря мужеству и ловкости, не является для нас неприятной» и, что интересно, «не повышает заработную плату труда ни в одной сфере деятельности» [4, с. 127]. Надежда на честь и слава – сама по себе награда.

Во-вторых, Смит указывает на профессии, связанные с искусством и литературой, как на еще один случай, который бросает вызов обычным ожиданиям личного интереса. Хотя он указывает, что некоторые натурфилософы (или «люди-спекуляции») могут заработать состояние, изобретая способы, которые помогая бизнесу, он отмечает, что по большей части те, кто занят в гуманитарных науках, делают это больше ради «уважения, кредита и известности, которые это дает, чем из прибыли от этого» [4, с. 21–2; 5, с. 354–5]. Вместо солдатской славы те, кто занимается искусством, часто делают это ради простой радости и красоты профессии. Смит замечает, что нет более естественного удовольствия, чем то, которое мы получаем от музыки или танца; действительно, высокое искусство, такое как концерт, доставляет «уму... не только очень сильное чув-

ственное, но и очень высокое интеллектуальное удовольствие, мало чем отличающееся от того, которое он получает от созерцания великой системы в любой другой науке» [6, с. 204–5].

Там, где искусство доставляет эстетическую радость, другая университетская тенденция часто порождает стремление к литературе или философии – к чудесам. Мы удивляемся всем необыкновенным и необычным предметам, всем редчайшим явлениям природы... и вообще всему, с чем мы прежде были либо мало, либо вообще не знакомы; и мы все еще задаемся вопросом, хотя и предупреждены о том, что нам предстоит увидеть [6, с. 33].

Простое удивление также ответственно за весь прогресс человеческого разума, ибо именно оно, а не какое-либо ожидание пользы от его открытий, является первым принципом, побуждающим человечество к изучению философии, той науки, которая претендует на открытие сокровитного, выявление связей, которые объединяют различные явления природы» [6, с. 51].

Смит утверждает, что в лучшем случае философия может предоставить тем, кто ею занимается, своего рода «спокойствие и покой» в поисках тайн природы и философских истин [6, с. 62]. Некоторые типы натурфилософии в конечном итоге разветвляются на упомянутые выше прикладные изобретательские действия, но для всех, кто этим занимается, философское исследование должно стать чем-то большим, чем просто основной формой труда, поскольку они должны в некоторой степени «преследовать это исследование ради него самого» [6, с. 51]. Опять же, страсть к делу сама по себе становится более важной, чем любое представление о корысти или денежной выгоде.

Еще одна профессия, к которой Смит относится почти так же, как к литераторам, – это духовенство. Определив религию как единственный источник «эффективного утешения» для тех, кто сталкивается с трудностями или несправедливостью в этой жизни, он затем отмечает, что, хотя подмастерье обычной торговли и священнику или капеллану могли бы платить одинаковую заработную плату, «без сомнения, было бы неприлично» проводить сравнение между каче-

ством и видом работы, которую они фактически выполняют [4, с. 146]. Независимо от конкретных усилий, люди искусства и литераторы должны обратить свое внимание на вещи непреходящей важности и попытаться поделиться плодами своих чудес с остальным миром.

Представление Смита о мотивах, движущих человеческой деятельностью на рынке или выбранной ими профессией, гораздо более тонкое, чем можно было бы предположить при беглом взгляде. Идея Смита, поддерживающего концепцию экономического человека, движимого исключительно личными интересами, также слишком упрощена, если не полностью подрывается тем, как Смит рассматривает сочувствие, убеждение и заботу как движущие силы, из которых возникает любое чувство личного интереса, которые должны быть поняты в первую очередь.

Однако, несмотря на то, что в разные моменты Смит отмечает устойчивые тенденции в коммерческом обществе к чести, приключениям, чудесам и философии, неясно, смогут ли эти тенденции сохраняться перед лицом развитого разделения труда. Мы должны поставить утверждения Смита относительно этих нематериальных мотиваций в противоречие с его более ранними опасениями по поводу моральной деградации из-за специализированного ручного труда. Сомнительная надежда Смита заключалась в том, что гражданские и политические институты могли бы смягчить эти проблемы и способствовать развитию более высоких мотивов к чести и удивлению.

Заключение.

Смягчение трудностей, связанных с разделением труда, Смит связывал с появлением специализированного образованного политического класса [2]. Тем не менее, на протяжении всей работы Смита мы узнаем больше о том, кому не следует доверять политическую власть, чем о людях, которым коммерческое государство может доверять.

Точно так же, как государство не должно отдавать предпочтение одной форме религии другой, ясно, что духовенство не должно пытаться управлять

[4, с. 791]. Смит предупреждает об опасности смешивания коммерции и политики. Он представляет проблему довольно резко: бизнесмены не могут не участвовать в заговоре против общества, когда бы они ни встретились [4, с. 145]. В своем систематическом разрушении меркантилистской системы Смит отмечает, что даже когда бизнесмены завоевывают целые нации, они «похоже, неспособны считать себя суверенами, даже после того, как стали таковыми» [4, с. 637] Интересы торговцев в той или иной отрасли торговли или производства всегда в некоторых отношениях отличны и даже противоположны публичным интересам ...

Хотя те, кто в настоящее время занимается бизнесом или религией, должны оставаться в стороне от политического мира, Смит указывает, что руководить должны другие предположительно более мудрые и более общественные люди. Что касается мотивации этих людей, стремящихся к обществу, Смит ясно понимает, что материальный личный интерес – не единственная сила, определяющая разделение труда и выбор занятий. Отмечая его заявление о том, что «честь составляет значительную часть награды всех благородных профессий», и связывая это с представлением о том, что наше самое фундаментальное желание состоит в том, чтобы добиваться одобрения и избегать неодобрения, мы можем сделать вывод, что мотивация государственного служащего заключается в первую очередь в чести и уважении, которые оказывают его должности [4, с. 116–7].

Смит также предполагает, что философы и литераторы, оказавшись «в некоторых очень специфических ситуациях», как люди с широким и глубоким пониманием широкого круга вопросов, могут внести свой вклад в «хорошее управление или счастье своего общества» [4, с. 783]. Хотя и политики, и литераторы обладают объединяющим умом, в котором находится общество. В условиях постоянной потребности каждая группа в той или иной степени специализируется либо на действии, либо на созерцании. В такой ситуации эти «непохожие гении» могут разделить труд правления и совета, справедливо направляя дела общества посредством развития полезных привычек и утонченных моральных чувств [4, с. 30].

При условии, что надлежащее элитное образование будет в некоторой степени реформировано для решения современных, а не схоластических проблем,

Смит, похоже, считает, что совместно с другими социальными институтами, такими как религия [1], политики и литераторы могли бы справедливо провести общество через коммерческую эпоху. Однако такая договоренность порождает опасность, особенно во времена гражданских волнений или кризисов. Философы и их последователи всегда рискуют стать жертвами чрезмерной любви к собственным идеям и желания воплотить их в жизнь независимо от практических затрат. Хороший государственный деятель знает, что не все идеи подходят для того, чтобы стать политикой. Вместо того, чтобы стремиться к невозможному, «когда он не может установить лучшую систему законов, он будет стремиться установить лучшее, что люди могут вынести» [7, с. 233].

В ходе своих дискуссий о рынке и морали Смит указывает на ряд устойчивых – возможно, постоянных – тенденций в человеческой природе, которые общество может использовать, чтобы укротить пагубные последствия специализации и быстрые изменения в эпоху коммерции. В частности, Смит утверждал, что и политические институты, и церковь должны сыграть жизненно важную роль в поддержании достойного коммерческого государства. Также стоит отметить, что Смит косвенно ссылается на идею гражданского общества через обсуждение необходимости сочувствия. Работая сообща, эти три силы могут противодействовать опасностям разделения труда и помочь сохранить основы достойного коммерческого государства.

Список литературы

1. Кугай А.И. Религиозные основания власти в современном обществе / А.И. Кугай // Управленческое консультирование. – 2020. – №5. – С. 138–148. – DOI 10.22394/1726-1139-2020-5-138-148. – EDN WNXHEL

2. Кугай А.И. Базовые человеческие ценности и ценности политические: концептуальные основания / А.И. Кугай // Актуальные вопросы саморазвития личности: психолого-педагогический аспект: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2022. – С. 157–160. – EDN IEROXZ

3. Dwyer John. Ethics and Economics: Bridging Adam Smith's Theory of Moral Sentiments and Wealth of Nations. *Journal of British Studies*. 2005. Vol. 44. No. 4 (October), pp. 658–676.

4. Smith Adam. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, R.H. Campbell and A.S. Skinner, eds. Indianapolis: Liberty Fund, 1981.

5. Smith Adam. *Lectures on Jurisprudence*. R.L. Meek, D.D. Raphael, and P.G. Stein, eds. Indianapolis: Liberty Fund. 1982a.

6. Smith Adam. *Essays on Philosophical Subjects*, eds. W.P.D. Wightman and J.C. Bryce, Indianapolis: Liberty Fund, 1982b.

7. Smith Adam. *Theory of Moral Sentiments*. D.D. Raphael and A.L. Macfie, eds. Indianapolis: Liberty Fund, 1984.

8. Hont Istvan, Ignatieff Michael. *Needs and Justice in the Wealth of Nations. Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*, ed. Hont and Ignatieff. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Санкт-Петербург, Россия.
